

О традиции амазонок и «мужененавистнических» мотивах агрессии женщин.

"Вы, братья по полу,- кричу,- мужики!

Ну что...". Тут мой голос сорвался.

Я таукитянку схватил за грудки:

"А ну, - говорю признавайся

Она мне: "Уйди,

мол, мы впереди -

не хотим с мужчинами знаться,

а будем теперь — почковаться!"

В.Высоцкий "Тау-Кита"

Интерес к вопросу амазонства имеет основание быть не только праздным, но энциклопедическим, например, мотивом. Ведь метафора амазонок в наше время весьма активно используется (как женщинами, так и мужчинами) в повседневной речи и околопсихологических разговорах. Этот образ красочен и экзотически-притягателен; как и досужие разговоры про "матриархат" ("патриархат"), они используются в тех же контекстах: когда говорят о должном, нормальном или извращенном соотношении власти полов, порядке проявления активности мужчин и женщин и приемлемости увеличения женской активности, неожиданной по масштабам или по сферам жизнедеятельности, куда она включается*. Есть сейчас популярные журнал и газета с названием "Амазонки".

В последнее время в прессе появлялись публикации [5], напоминавшие об аналогичных "амазонкам" типах и случаях в отечественной истории: воинственная княгиня Ольга, отметившая древлянам за убийство мужа — князя Игоря, "богатырь-ведьма", крестьянская вдова (по другим источникам — монахиня Алена), руководительница семитысячного отряда в войске Степана

Разина, "амазонская рота" времен Екатерины Великой, знаменитая "кавалерист-девица" Надежда Дурова (1812), георгиевские "кавалерши" и женский батальон смерти времен первой мировой войны (частично сохранившийся и сражавшийся в гражданскую на стороне белых).

Может возникнуть исследовательский вопрос: что, какая "сила" делает этот сюжет, эту тему актуальной? Какое психологическое содержание кроется в подобной легенде и родственных ей образах?

Многу было проведено (на основе имеющегося обобщенного историографического материала на русском языке) сопоставление мифоэпических сюжетов о воинственных женщинах, отказавшихся от постоянного общения с мужчинами и в какой-то мере противостоящих им в лице своей общности. В такой общей схеме сходные сюжеты представлены в традициях очень многих культур, часто далеких друг от друга географически, расово-этнически, хронологически [2]. Следуя античной традиции, европейцы связали данные сюжеты и образы с именем амазонок (Гомер в "Илиаде", а также Геродот и пр. авторы, составлявшие полудостоверные описания Ойкумены). У реальных северо-причерноморских номадов, соотносимых с легендарными амазонками античной эпической традиции, общественное устройство типа военной демократии выражалось в т.ч. в готовности женщин в критические моменты выступить с оружием на подмогу своим мужчинам, что материально подтверждается находками погребений женщин с предметами вооружения.

Легенды про обособленных женщин-воительниц этнографы встречали и в Южной Америке, и в Африке, в Китае, в европейском фольклоре и т.д. Обобщая, можно сказать, что большинство сообщений об "амазонках" исходит, как правило, от туземных путешественников (исследователь, географ и т.п. лишь пересказывает) или их узнают якобы от потомков уже умершего очевидца, т.е., иными словами, это чисто женское племя:

- 1) рассказчик сам не видел и никогда не увидит;
- 2) видел предок, и аудитория его рассказу верит;

3) в восприятии окружающими этого повествования закрепляется следующее: воинственные мужененавистницы — это за тридевять земель, по крайней мере, они надежно отделены ландшафтом, расстоянием и даже исторически и здесь, у нас это невозможно. Но как назидание, как сигнал, как "урок" — где-то такое бывает. Говоря современным языком, царство женщин — это некий абсолютно - и во времени, и в пространстве — затерянный, недоступный заповедник.

Глубокий исследователь древних традиций Юлиус Эвола в своем обширном труде "Метафизика пола" [9] дает богатый обзор данных мифологии, религии и древней истории, касающихся воплощения именно этого аспекта женской активности. Он относит его к неким особым проявлениям "деметрического" (женщина — мать) и "афродического" (женщина-любовница) типов: "Высшей ипостасью Великой Богини была, подобно гесиодовой Гайе, богиня, рождающаяся без мужа, а лишь единожды оплодотворенная героем, бывшим одновременно и ее сыном, и возлюбленным — сам он считался хотя и царем, но смертным и царствовавшим лишь милостью богини..." Эвола приводит аналогичные пары в других мифологиях: Таммуз — Рея-Кибела, Аттис — Иштар и т.д. "В истории этот архетип проявляется в "царстве матерей", деметрической гинекократии, необязательно связанной с социальным превосходством женщин, но всегда с почитанием материнского начала... Подчеркивается еще один момент этой переходной женской ипостаси — неприступность (порой — вплоть до девственности), парадоксально сочетающаяся с "разрушительными экстатическими, глубинными проявлениями пола" (это скорее "афродическое начало примордиально женского"). Похожий характер имели божества типа амазонок, девственность которых, правда, стали подчеркивать гораздо позднее, в период "морализации" онтологии. Так, Артемиду-Диану и Афину в эллинском мире стали считать девственницами, в то время как в доэллинские и пеллагские прототипы относили к материнскому типу. Кроме того, девственные богини — в их числе Иштар, дева-блудница — были покровительницами войны и богинями победы <...>, отсюда двойственность и двусмысленность обращения к ней: "Ты во власти, о богиня Победы, утолить мою страсть к насилию..." Подземная Геката,

девственно-инфернальная Артемида, Domina Ditis, Иштар и Kali, "Мать ужаса", — все это — архетипы, соответствующие девам-покровительницам битв и бурь, северным валькириям, иранским fravashi... С точки зрения морали "Дурга" (ипостась Недоступной девы — А.П.) крайне жестока, что можно сказать и о ее "сестрах". Все они наслаждаются кровью и смертью. Это хорошо видно на примере Kali. Также и в разных частях Греции, в Спарте, в Брауроне, в других местах приносили жертвы божественной Деве, Артемиде Орфии, именуемой также Таурик; когда жертвоприношения заканчивались, начинался ритуал diamastigosis — бичевания юношей; кровь их, любимая богиней, стекала на алтарь" [9, с.205].

Итак, амазонки путем разрыва сексуального альянса берут на себя мужскую активистскую, агрессивную функцию (как и другие мужские функции), оставаясь, в крайних фольклорных случаях, без мужчин вовсе... Это, как говорится, — факт. Факт мифологии, этнографии, культурной антропологии. Точнее, даже ряд фактов, последовательность их. И, в принципе, для корпуса гуманитарных наук в этом вопросе несущественно, жили ли "в самом деле" на земле в конкретных местах конкретные племена амазонок, встречавшихся лишь раз в году с мужчинами для акта зачатия, избавлявшиеся от рождавшихся мальчиков и прижигавшие одну грудь девочкам для удобства стрельбы из лука. Важно, что множество людей во многих точках планеты были готовы воспринимать мифологему, весьма реально отзываться на нее своими реальными чувствами, образами, в т.ч. воплощая их в продукты своего художественного творчества, а главное — готовы были воспроизводить ее из поколения в поколение, периодически отчего-то оживляя ее, делая вопрос об амазонской аномалии более важным.

Далее возможно рассматривать этот вопрос либо конкретно- исторически, в идеографических рамках археологии, социальной истории, истории ментальной, либо сверх-(над-)исторически — вслед за К.Юнгом, отчасти Ю. Эволой, М. Элиаде и др., когда из повторяющихся подобных, чем-то аналогичных данных вытягивается экстракт константного архетипа; или в значительной мере

внеисторически, "общечеловечески", подразумевая не культурно-генетическую, а все-психологическую константность.

Например, ортодоксальный психоанализ здесь может увидеть пример радикальнейшего решения психосексуального конфликта, основанного, вероятно, на женской зависти к пенису, ибо, по Фрейду, так не могло не быть всегда, начиная с первобытной орды.

Размышляя о внутренней природе амазонства в традиции психоанализа, придем к следующему, может быть "кошунственному", вопросу: испытывала ли Дева Мария зависть к пенису?

Ведь именно ей, согласно Евангелию, удалось осуществить страстную мечту по крайней мере нескольких женщин: "иметь ребенка, но не от мужчины. Как хотелось бы иметь ребенка, но только моего!", — так отмечает мысль, видимо, глубоко пережитую ею самой, Марина Цветаева в недавно опубликованном тексте с характерным названием "Письмо к амазонке" [8]. (Впрочем, современные культурологи и библеисты, ориентированные на символическое толкование, в этом моменте достаточно спокойны: "тайну рождения Сына Божьего от девственницы в духовном смысле не следует понимать в буквально понимаемом чуде непорочного зачатия. Девственница в данном случае означает совершенство покоящегося в себе женского существа, которое не подчиняется мужскому, потому что носит его в себе.

Если о Деве Марии говорят, что она была без греха, это означает, что Мария не потеряла себя в физической любви, а осталась сама собой" [1, с.206]).

В попытке прояснения общих душевных причин амазонства полезно коснуться такого современного явления, как распространяющаяся идеология и практика феминистского движения, которая в своих радикальных вариантах смыкается с движением за легализацию лесбийских пар как формы брака. Но даже в высказываниях умеренных феминисток можно найти психологические корни такого явления. Так, согласно теологу-феминистке Э.Мольтман-Вендель, женщинам надо не пытаться копировать формирование мужской личности, а развивать свою автономию. А это, в частности, предполагает

задачу "развивать такую рациональность, которая не служила бы проникающим орудием для овладения природой", т.е. (психоаналитически) попытаться отсечь фалличность от способности к рациональному суждению. Причем в качестве первого шага ею видится "наверстывание упущенной любви к себе, развитие собственной эротики и усвоение здорового нарциссизма. Для практикования такой автономии на первых порах потребна женская группа [4]. Иными словами, этап амазонства рассматривается как необходимый в проработке женского нарциссизма.

Если приложить версию М. Клейн о сексуализации танатоса в оральной фазе (вариант "злой груди" — сюжет о деформации одной груди для удобства стрельбы из лука), приводящей к восприятию внешнего мира как опасного недоброжелателя [6], придем к модели складывания первентной идентичности у будущей женщины. На более поздней фазе, через неразрешенный позитивно кастрационный комплекс и имеющий не меньшую причинную силу, по К.Хорни, страх вагинальной травмы [7], ранняя установка приводит к восприятию мужчин исключительно как потенциальных агрессоров, а их шагов по сближению с такой женщиной — как попытку начала вражеских действий. Интуитивно-художественным подтверждением может служить тот же текст Цветаевой: "Боль — это измена своей душе с мужчиной, своему детству — с врагом", а также ее слова о том, что при выборе девушкой предметом вождения особы своего пола первая не боится, ведь от Нее "незачем защищаться, ибо эта другая не может причинить ей боли".

Психологическая инерция способна "раскручивать" эти бессознательные ожидания не в оборонительное, а в атакующее поведение. Таким образом, это уже упреждающее активное противодействие самой возможности приближения мужчины. Иными словами, реализуется последовательно агрессивная кастрирующая неосознаваемая программа, как альтернатива традиционной женской роли.

Представитель современной психоаналитической self -психологии П.Куттер также считает, что девочка в некотором отношении может принять мужскую

идентичность, чтобы избежать роли традиционной девочки. "Есть, конечно, семьи, в которых присутствует мать с мужской идентификацией и у дочери вырабатывается личность без этих традиционных женских элементов. Это может быть результатом вот такой семейной атмосферы. Например, я мог наблюдать эти феномены амазонства в исследовательском проекте с пациентками, страдающими от рака груди. Женщины тогда обычно теряют грудь с опухолью. И во многих случаях эти женщины в большей степени имеют идентификацию с мужчинами и имеют большие проблемы со своей феминностью" [3].

Вероятно, все эти аспекты проблемы амазонства стоит наложить на общецивилизационные процессы, на трансформации общественного мнения...

Хотя упомянутые подходы применительно к исследуемому вопросу были рассмотрены лишь эскизно, а некоторые лишь названы, все же видна, пожалуй, их недостаточность, частичность, по крайней мере взятых в чистом виде и по отдельности. Возможно, необходима интеграция посредством подходов, близких понимающей социологии культуры и психоистории.

Литература:

- 1 Бауэр В., Дюмон И., Головин С. Энциклопедия символов. Глава "Символы христианства", статья "Мария, Царица небесная".
- 2 "Вестник древней истории" за 1947 г. и 1970-1972 гг.
- 3 Куттер Питер. Мужчина и женщина. Проблемы и решения. (Лекция в Ростовском университете 6 июня 1996 г. Аудиозапись, перевод).
- 4 Мольтман-Вендель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину (феминистская теория и человеческая идентичность) //Вопросы философии. №3. 1991.
- 5 "Российские вести" от 07.03.94, а также: Б.Парамонов. "Женотделки из gum'a" //"Иностранец" от 2.02.94.
- 6 РОССИЙСКИЙ психоаналитический вестник. М, 1993.
- 7 Хорни К. Женская психология. СПб. 1994.

- 8 Цветаева М. Письмо к амазонке /сб. Эрос. XX век. Россия. М., 1993.
- 9 Эвола Ю. Метафизика пола. М.: Беловодье, 1996.

Последние по времени развернутые сообщения см : популярные журналы "Я+Я" N 4 1996 г., "Домашний очаг" N 11 1996 г.; в последнем есть уверенное утверждение журналистки - "Если есть все основания предполагать, что в наших славянских жилах течет лихая амазонская кровь..." т.к. "в русском фольклоре немало есть героинь, которые столь же отважно храбры и красивы, как древние амазонки".

** Ср. близкие ассоциации в текстах К.Юнга о шланге, тянущемся от Солнца - Св. Духа, "солнечном фаллосе", колеблемом ветром, связующей трубке от Св. Духа к Деве Марии, с представлениями китайских легенд об амазонках, оплодотворяемых северным ветром; да и русское ироничное объяснение беременности без супруга: "ветром надуло".